

У КНДР ОСТАЛАСЬ ОДНА ОПОРА - КИТАЙ

РЕЗУЛЬТАТ РОСТА КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ
ИЛИ СЛЕДСТВИЕ «КОВАРНЫХ ЗАМЫСЛОВ» ПЕКИНА?

О.В. КИРЬЯНОВ

Корреспондент «Российской газеты», аспирант ИСАА МГУ

Ключевые слова: КНР, КНДР, Китай, Северная Корея, торгово-экономические связи, инвестиции, товарооборот, зависимость, китайско-северокорейские отношения

После смерти лидера КНДР Ким Чен Ира в декабре 2011 г. власть в стране оказалась в руках у его молодого и неопытного младшего сына - 29-летнего Ким Чен Ына. Чтобы не допустить дестабилизации ситуации, правящая верхушка КНДР в ускоренном режиме организовала его назначение на высшие посты в армейской и партийной иерархии. Несмотря на то, что Северная Корея, по предварительным оценкам, сумела достаточно спокойно пройти этап смены лидера страны, для многих зарубежных специалистов по-прежнему остается без ответа очень важный вопрос: «Каков будет дальнейший путь развития КНДР при новом руководстве? Следует ли ждать кардинальных перемен от Ким Чен Ына?».

При этом ясно одно: очень многое будет зависеть не только от самой Северной Кореи и расклада политических сил внутри нее, но и от того, какую позицию займет главный политический союзник и основной торговый партнер Пхеньяна в лице Китайской Народной Республики.

Правда, и здесь можно быть уверенным, что Пекин сделает все возможное, чтобы не допустить радикальной дестабилизации обстановки в КНДР. Тем более, что в последние годы Китай существенно увеличил степень своего влияния на Северную Корею. Пройдя непростой период 1990-х гг., Китай стал для КНДР и главным торговым партнером.

ОДИНОЧЕСТВО В «ОДНОПОЛЮСНОМ» МИРЕ»

В начале 1990-х гг. Северная Корея столкнулась с крайне неблагоприятными для нее переменами во внешнеполитической и экономической сферах.

Рухнула двухполюсная система международных отношений, распался СССР, а новая Россия, переживавшая небывалый со времен Второй мировой войны поли-

тический и экономический кризис, по сути, отвернулась от Пхеньяна, не только прекратив экономическую помощь, но и выбрав во многом одностороннюю ориентацию на развитие отношений с Сеулом.

Другой важный союзник КНДР - Китай, хотя и избежал таких крайностей, но также стал активно развивать связи с Южной Кореей, что было воспринято в Пхеньяне весьма болезненно.

Началось длительное серьезное снижение объемов торгово-экономического сотрудничества между КНДР и КНР, что, впрочем, отражало общую тенденцию сокращения экономических связей Северной Кореи с внешним миром. Так, показатель товарооборота между КНР и КНДР снизился с \$700 млн в 1992 г. до \$370,4 млн в 1999 г.¹

Однако в 2000 г. ситуация стала заметно меняться: тогда был зафиксирован рост китайско-се-

верокорейской торговли до \$488 млн. Время показало, что данный феномен не был случайным, а стал сигналом начала долгосрочного процесса восстановления и активизации экономического сотрудничества между Пекином и Пхеньяном. Уже в 2003 г. этот показатель преодолел рубеж в \$1 млрд, составив \$1,22 млрд. В 2000-2005 гг. объемы двусторонней торговли росли в среднем почти на 30% ежегодно².

Хотя впоследствии темпы роста время от времени замедлялись, однако рост не прекращался. По итогам 2010 г., двусторонний товарооборот составил \$3,46 млрд. Только за 11 месяцев 2011 г. объем торговли между КНР и КНДР превысил показатели предыдущего года, достигнув \$4,67 млрд³.

Активизация китайско-северокорейского торгово-экономического сотрудничества сопровождалась и увеличением относительной доли Китая во внеш-

ней торговле КНДР в целом. Особенно это стало заметно после 2005 г. Если до 2000 г. доля КНР в товарообороте КНДР составляла от 24% до 27% (исключением стал лишь 1993 г., когда на КНР пришлось 31,8%), то уже в период 2003-2009 гг. в среднем она выросла до 42,1%, достигнув в конце концов в 2010 г. рекордного показателя в 56,9%. Символично важными в этом плане стали итоги 2009 г., когда впервые после распада Советского Союза доля одного государства во внешнеторговом балансе Северной Кореи превысила 50%. (Удельный вес СССР во внешнеторговом обороте КНДР в 1980 г. составил 26,3%, в 1985 г. - 39,9%, в 1990 г. был достигнут пик - 53,1%, но в дальнейшем доля России резка упала - до менее 2%⁴.)

На втором месте с большим отрывом находится Южная Корея, на которую в 2003-2009 гг. в среднем приходилось 29,2%⁵.

Лидирующие позиции Китая особенно хорошо заметны в последние годы в сфере прямых иностранных инвестиций. В период с 2003 по 2008 гг. китайские прямые инвестиции в КНДР увеличились почти в 40 раз: с \$1,12 млн в 2003 г. до \$41,23 млн в 2008 г.⁶ КНР превратилась в главного зарубежного инвестора: если в 2003 г. на ее долю приходилось всего лишь 0,7% всех иностранных инвестиций КНДР, то в 2008 г. - уже 94,1%⁷.

Согласно свидетельствам прибывших в Южную Корею северокорейских беженцев, китайское происхождение имеют около 60-70% продаваемых на рынках Северной Кореи продуктов питания, около 90% - промышленных товаров, 50-60% - риса, 50% - кукурузы и 85-90% - муки. То же самое можно сказать и по поводу разного рода оборудования, реализуемого на стихийных рынках КНДР: его доля достигает 70-80%⁸.

В результате к исходу первого десятилетия XXI в. Китай окончательно превратился в главного, безоговорочно доминирующего торгово-экономического партнера Пхеньяна.

СЕУЛ ЗАВОЛНОВАЛСЯ

Быстро растущая экономическая зависимость Пхеньяна от Пекина вызвала в Южной Корее крайнюю обеспокоенность и массу догадок о причинах такого феномена.

В целом, объяснения причин

став «четвертой северо-восточной провинцией» КНР¹⁰.

С этой точкой зрения контрастирует другая распространенная в Южной Корее версия. Согласно ей, нынешняя экономическая зависимость Северной Кореи от КНР объясняется не столько преднамеренной политикой Пекина, направленной на установление контроля над Пхеньяном в том или ином виде, сколько объективными факторами¹¹.

Третий подход в той или иной мере дополняет первые две версии. Согласно этой точке зрения,

подобной ситуации и ее последствий южнокорейскими экспертами можно разбить на три большие группы.

Сторонники одной из них - условно назовем ее гипотезой «превращения КНДР в четвертую северо-восточную провинцию Китая» - считают, что Пекин намеренно усиливает зависимость КНДР от Китая, имея при этом далеко идущие планы. Самые радикальные из них утверждают, что Пекин вынашивает планы полной аннексии КНДР или, как минимум, установления при удобном случае протектората над ней⁹. Иначе говоря, Северная Корея якобы может быть присоединена к китайским провинциям Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян,

Два моста, ведущие из пограничного китайского города Дандун в Северную Корею. Мост слева - своеобразные «ворота в мир» для КНДР: по нему проходит 70-80% товаропотока китайско-северокорейской торговли. Мост справа (с вывеской) - музей. В 1950 г. во время Корейской войны самолеты ВВС США разбомбили его, чтобы ограничить помощь китайцев Северной Корею. Китайцы же решили сохранить этот «экспонат» в качестве свидетельства «агрессивности американского империализма».

Пекин, развивая торгово-экономическое сотрудничество с Пхеньяном, пытается таким образом продемонстрировать КНДР достоинства пути реформ и открытости, стремясь в конце концов подтолкнуть Север к проведению соответствующих преобразований у себя в стране. Правда, при-

Образцово-показательная деревня КНДР. Вид со стороны китайского Дандуня.

знается, что такого рода планы могут быть лишь «одной из причин» стремления Пекина активизировать связи с Пхеньяном¹².

Естественно, сами представители Китая отрицают наличие у Пекина каких-либо планов по лишению Пхеньяна независимости, объясняя всё объективными причинами и взаимной выгодой сотрудничества как для КНР, так и КНДР¹³. И в данном случае они правы. Вместе с тем некоторые китайские эксперты не скрывают, что резкое увеличение помощи Северной Корее имеет и более серьезную геостратегическую подоплеку: Пекин не заинтересован в крушении нынешнего режима в КНДР, видя в нем своего рода буферную зону, ограждающую Китай от влияния США¹⁴.

О мнении представителей КНДР по поводу сложившейся ситуации приходится судить либо по косвенным свидетельствам, либо со слов тех немногих людей, которые имели возможность более или менее откровенно пообщаться с ними. Пхеньяну свойствен двойственный подход к сотрудничеству с Китаем. С одной стороны, там прекрасно понимают, что чрезмерное увеличение влияния одной державы в экономике и политике Северной Кореи

чревато утратой определенной доли суверенитета либо, как минимум, свободы и самостоятельности при принятии ключевых решений¹⁵. Но, с другой, сталкиваясь с более острыми и насущными проблемами, руководство КНДР вынуждено идти на углубление сотрудничества с Китаем, так как, по большому счету, не имеет иной альтернативы.

ПРЕОДОЛЕВАЯ ОТСТАЛОСТЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ КНР

На деле у Пекина действительно имеются веские внутренние причины активизации торгово-экономических отношений с КНДР.

Так, центральное правительство Китая в целях снижения социального неравенства, разницы в развитии между южными приморскими и остальными регионами страны проводит политику, направленную на развитие отсталых регионов. К таковым, в частности, относятся и три северо-восточные провинции КНР, граничащие с Северной Кореей, - Ляонин, Цзилинь и Хэйлуцзян. Например, провинция Цзилинь занимает лишь 21-е место из 31 провинции КНР по объему ВВП. Кроме того, ВВП Цзилиня лишь на 19% формируется за счет внешней торговли, тогда как

средний показатель по Китаю - 70%¹⁶. В Восточном Китае в 2006 г. этот показатель достиг рекордного уровня - 80,88%¹⁷.

Это побудило руководство Пекина принять ряд мер и программ, направленных на устранение диспропорции, а также «модернизацию северо-восточной производственной базы». Так, в 2003 г. правительство КНР одобрило стратегию экономического и социального развития трех северо-восточных провинций: Ляонин, Цзилинь и Хэйлуцзян¹⁸.

Данная стратегия позже была конкретизирована в виде отдельных планов и программ, предназначенных для каждой из трех провинций. В частности, в августе 2007 г. был принят «План развития Северо-Востока» сроком на 15 лет, в июле 2009 г. - программа развития «приморского пояса провинции Ляонин»¹⁹.

Очевидно, что такие программы принимаются, исходя из экономических, социальных и внутриполитических интересов самого Китая, а не в целях лишения Северной Кореи ее суверенитета.

Активизация экономического развития Северо-Востока вольно или невольно ведет к поиску партнеров и за рубежом. Более того, можно сказать, что успешная реализация данных программ китайского правительства во многом зависит от активизации экономического сотрудничества с КНДР. Учитывая, что упомянутые три провинции имеют с КНДР границу протяженностью более 1400 км, китайские предприниматели пытаются найти какие-то выгодные для себя проекты, в т. ч. и с Северной Кореей, географическая близость с которой позволяет снизить транспортные и прочие расходы²⁰. Облегчает и стимулирует развитие экономического сотрудничества с КНДР и наличие в этих регионах достаточно представительной корей-

ской диаспоры, сумевшей сохранить свой родной язык.

Некоторые, в первую очередь инфраструктурные, проекты, реализуемые Китаем в КНДР, объясняются также необходимостью получения выхода к морю, к портовой инфраструктуре, где опять же наиболее выгодным и единственно возможным партнером выступает Северная Корея²¹. Ближайшие китайские порты в этом регионе, в частности, Дандун, находятся в сотнях, а то и в тысяче и более километрах от многих районов северо-востока КНР (особенно провинций Цзилинь и Хэйлунцзян). В то же время буквально в нескольких десятках километрах от границы Китая с КНДР имеются северокорейские порты восточного побережья - Раджин и Сонбон, входящие в свободную экономическую зону (СЭЗ) Расон (Раджин-Сонбон), и Чхонджин. Использование последних позволяет не только сократить расходы на транспорт, но и сэкономить время²². Так, по подсчетам китайских экономистов, доставка из районов северо-востока КНР товаров в Расон и транспортировка морем до южных провинций Китая обходится в три раза дешевле, чем перевозка в том же направлении по внутренней китайской железной дороге²³. Неслучайно китайцы настойчиво добивались и в итоге получили право на долгосрочную аренду ряда терминалов портов.

Необходимостью обеспечения нормальной дорожной инфраструктуры, без которой использование портов КНДР для Китая просто невозможно, объясняется и строительство за счет китайских инвесторов автотрасс, соединяющих приграничные китайские города с портами, - Хуньчунь (КНР) - Расон и Тумэнь (КНР) - Чхонджин, а также мостов на границе²⁴. Особое внимание китайцы проявляют к СЭЗ Расон, которую, судя по всему, КНР и КНДР

намерены превратить в крупный центр логистики в Северо-Восточной Азии. Пекин уже заявил о своем намерении инвестировать в эту зону \$2 млрд²⁵.

Другие проекты по модернизации Китаем северокорейских

да, уголь, молибден и прочие полезные ископаемые являются главными экспортными товарами, поставляемыми КНДР в Китай²⁸. Только за последние пять лет представители КНР получили право на разработку 20 круп-

дорог вызваны необходимостью создания качественных путей для вывоза из КНДР полезных ископаемых. Сама Северная Корея не имеет финансовой возможности восстановить или улучшить эти трассы²⁶.

ЕСЛИ И СЫРЬЕВОЙ ПРИДАТОК, ТО НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ

От ряда южнокорейских экспертов, не говоря уже о СМИ, регулярно доводится слышать, что КНДР превращается в сырьевой придаток Китая, своего рода сырьевую колонию, что в экспорте КНДР в Китай доминируют сырье и природные ресурсы, что подобная тенденция год от года усиливается, невзирая даже на иногда предпринимаемые попытки северокорейских властей как-то ограничить ее²⁷.

Действительно, железная ру-

Корейская национальная школа в Яньцзи - столице Яньбянь - Корейского автономного округа Китая (ЯКАО). Многие известные корейцы, боровшиеся за освобождение Корейского полуострова от японской оккупации, закончили эту школу.

ных месторождений полезных ископаемых²⁹. Более того, в стоимостном выражении объем экспорта природных ресурсов из КНДР в Китай за 2002-2010 гг. вырос в 17 раз³⁰.

Однако заинтересованность Китая в получении доступа к природным ресурсам следует воспринимать в контексте глобальной стратегии КНР, реализуемой во всем мире, а не только в КНДР. Так, Китай уже превзошел США в качестве главного потребителя энергоресурсов, продуктов питания и ряда промышленных товаров³¹. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении природных ресурсов, которые необходи-

мы динамично растущей экономике КНР для поддержания темпов экономического развития. Так, еще в 2003 г. потребности КНР в стали более чем в два раза превышали американские: 258 млн т против 104 млн³². Согласно прогнозам экспертов, к 2020 г. КНР сможет за счет собственных запасов обеспечивать потребности только в 6 из 45 наименований стратегически важных видов полезных ископаемых³³.

Как следствие, КНР пытается обеспечить себя сырьем, получая доступ к месторождениям ресурсов по всему миру - в Африке, Латинской Америке, Австралии. И северокорейские ресурсы лишь один из возможных вариантов решения проблемы нехватки сырья для динамично растущей китайской экономики. Интерес к ним объясняется общей логикой развития КНР, которая уже давно вышла на глобальный уровень. Кроме того, северокорейская экономика имеет крайне мало товаров, способных конкурировать на китайском и международном рынках, а потому логично, что поставки природных ресурсов доминируют в экспорте КНДР в Китай.

Другие объективные экономические факторы, объясняющие заинтересованность КНР в развитии сотрудничества с Северной Кореей, это - поиск новых рынков сбыта для китайской продукции и низкая стоимость рабочей силы в КНДР. Как заявляют сами китайские бизнесмены, покупательная способность населения Северной Кореи растет³⁴. В КНДР существует прослойка населения, которая может позволить себе достаточно дорогую импортную продукцию, и ее численность увеличивается³⁵. С другой стороны, сама северокорейская промышленность зачастую не может удовлетворить запросы населения. И, наоборот, китайская промышленность по 75% наименований промышленных товаров про-

изводит больше, чем требуется в КНР³⁶. Поэтому из Китая в КНДР и ввозится так много продукции.

Стоимость рабочей силы в КНДР составляет, по оценкам китайцев, около \$10* в месяц³⁷. Строительство заводов, фабрик, создание совместных предприятий в Северной Корее обходится китайцам дешевле, чем в самом Китае. Власти КНДР предлагают китайским инвесторам серьезные налоговые и прочие льготы, которые недоступны другим зарубежным инвесторам³⁸. Поэтому даже

ПЕКИНУ НЕ НУЖЕН ХАОС ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

малые и средние компании КНР имеют возможность найти свою нишу в Северной Корее.

В то же время многие товары в КНДР стоят дороже, чем в Китае, что стимулирует поставки китайской продукции в эту страну. Так, по данным на 2005 г., стоимость пачки сигарет в Вэньчжоу (КНР) составляла 0,5 юаня**, тогда как те же сигареты продавали в Пхеньяне по цене, эквивалентной 3-5 юаням³⁹.

ВО ИЗБЕЖАНИЕ КРАХА

Естественно, как уже отмечалось, не только чисто экономические соображения стимулируют развитие Китаем сотрудничества с КНДР. Заметную роль играют политические и дипломатические интересы Пекина. Китай и не

* Зарубежные и отечественные исследователи исчисляют официальную среднюю месячную зарплату граждан КНДР в долларах по курсу «черного рынка». Эти оценки колеблются от \$2 до более 10\$. Но в стране при Ким Чен Ире появилась довольно обширная «теневая» частная экономика, которая позволяет некоторым северокорейцам зарабатывать значительно больше за счет бизнеса, а чиновникам - за счет «откатов» (прим. ред.).

** В 2005 г. до отмены в июле жесткой привязки к доллару \$1 был установлен на уровне 8,28 юаня (сейчас равен примерно 6,3 юаня) (прим. ред.).

скрывает, что он крайне заинтересован в стабильном и предсказуемом развитии КНДР. Такое положение дел позволяет сосредоточиться Пекину на экономическом развитии, гарантируя стабильность в районе его северо-восточных границ и во всей Северо-Восточной Азии⁴⁰.

А потому хаос, серьезный экономический кризис, не говоря уже о коллапсе власти в КНДР, не отвечают фундаментальным интересам Пекина. Как следствие, он при необходимости выступал, выступает и будет высту-

пать той силой, которая подстрахует северокорейский режим от краха⁴¹.

Данная логика играет большую роль при принятии Китаем решений о выделении продовольственной, гуманитарной и прочих видов помощи, а также при выработке долгосрочных планов по инвестированию средств и развитию экономического сотрудничества с Северной Кореей. Как отметил один из южнокорейских экспертов, политика КНР в отношении КНДР базируется на пяти «нет»: нет нестабильности, нет коллапсу, нет эскалации конфликта, нет массовому притоку беженцев из Северной Кореи и нет северокорейскому ядерному оружию.

При этом, пожалуй, опасность коллапса КНДР воспринимается Пекином как более серьезная угроза и зло, чем перспектива развития у Пхеньяна собственного ядерного оружия. Последнее также не отвечает интересам Китая, но, по всей видимости, считается менее серьезной проблемой, чем крушение режима в Северной Корее⁴².

Северная Корея интересует Пекин также и как буферная зона, сдерживающая влияние США и их союзников. Крах КНДР

вполне мог бы привести к объединению Корейского полуострова под главенством Южной Кореи, что создало бы условия для появления американских военных баз непосредственно у границ КНР. А потому Пекин заинтересован в сохранении такого буфера, коим является КНДР, и проявляет активность в развитии разного рода связей и сотрудничества с северокорейским союзником.

СЕУЛ ЗААРТАЧИЛСЯ

Долгое время роль противовеса Китаю выполняла Южная Корея, которая при президентах Ким Дэ Чжунге и Но Му Хёне сделала ставку на развитие сотрудничества с КНДР. Результатом этого стало появление таких проектов межкорейского сотрудничества, как технопарк в Кэсоне, туристическая зона в горах Кымгансан и ряд других. Многие южнокорейские эксперты отмечали, что сотрудничество Южной Кореи с КНДР позволит приблизить объединение, а также снизить расходы, которые южнокорейцам пришлось бы нести впоследствии для развития северокорейской экономики в случае образования единой Кореи⁴³.

В подтверждение целесообразности подобного подхода приводились оценки южнокорейских государственных экспертов, согласно которым Югу придется потратить примерно в два раза больше средств для развития Севера, если это придется делать в результате «вынужденного объединения», вызванного коллапсом КНДР, чем при «плановом воссоединении» после периода активного развития межкорейского экономического сотрудничества⁴⁴.

Статистика показывает, что с 2000 и по 2008 г. доля Китая в торговле с КНДР была хотя и выше, чем с Южной Кореей, но в целом сопоставимой. Такого явного крена в сторону Китая, как на-

блюдается сейчас, тогда не было. Так, в 2000 г. доля КНР и Южной Кореи во внешней торговле КНДР составила, соответственно, 20,4% и 17,8%, в 2001 г. - 27,6 и 15,1, в 2002 г. - 25,4 и 22,1, в 2003 г. - 32,8 и 23,2. В 2004 г. - 39 и 19,6, в 2005 г. - 38,9 и 26, в 2006 г. - 39,1 и 31,1, в 2007 г. - 41,7% и 37,9%⁴⁵. То есть Юг в значительной степени уравнивал Китай, что во многом сознательно делалось Севером и в то же время находило поддержку в Сеуле.

Ситуация резко изменилась в 2008 г. с приходом к власти в Южной Корее консерваторов. Межкорейские отношения стали постепенно сворачиваться. Прекратилась работа совместного туристического проекта в горах Кымгансан и ряд других крупных проектов. А после инцидента в марте 2010 г., когда был потоплен корабль южнокорейских ВМС «Чхонан», в чем Сеул обвинил Пхеньян*, правительство Южной Кореи приняло «Специальные меры против Северной Кореи».

Документ предусматривал прекращение всех видов торговли и прочих экономических отношений с КНДР, за исключением технопарка в Кэсоне, где уже находились и работали предприятия, созданные на южнокорейские средства, и трудились инженеры из

* Подробнее см.: Русаков Е.М. Призраки возвращаются из «холода» // Азия и Африка сегодня, 2010, № 10 (прим. ред.).

В ЯКАО, как правило, все вывески пишутся на двух языках - китайском и корейском.

Южной Кореи. Вводился запрет на посещение гражданами Южной Кореи КНДР, запрещались любые новые инвестиции, а также оказание гуманитарной помощи⁴⁶.

Обстрел северокорейской артиллерией в ноябре 2010 г. южнокорейского острова Ёнпхёндо, в результате чего погибли и получили ранения 20 человек, еще больше ужесточил позицию Сеула.

В итоге доля КНР во внешней торговле КНДР стала увеличиваться. В 2008 г. этот показатель Китая достиг 49,4%, а Юга - 32,3%, в 2009 г. - 52,6 и 33% и в 2010 г. - 56,9 и 31,4%, соответственно⁴⁷. По большому счету, доля Южной Кореи в северокорейской торговле осталась довольно высокой только за счет технопарка в Кэсоне. Правительство Южной Кореи было вынуждено смириться с его существованием, т.к. там находились южнокорейские граждане и компании с их капиталом⁴⁸.

По данным Корейской ассоциации международной торговли, объем торговли между Южной Кореей и КНДР в 2011 г. составил \$1,71 млрд, что на 10% меньше аналогичного показателя за 2010 г.⁴⁹

Таким образом, Южная Корея также перестала выполнять роль страны, развитием сотрудничест-

ва с которой КНДР могла бы компенсировать свою чрезмерную зависимость от Китая⁵⁰.

Следует также отметить, что ядерные и ракетные испытания, которые Пхеньян провел в 2006 и 2009 гг. привели к введению про-

тив Северной Кореи жестких международных санкций согласно резолюциям Совета Безопасности ООН 1718 и 1874, к которым присоединились и КНР, и Россия⁵¹. Вместе с тем, Пекин, хотя и выразил свое явное недовольство ра-

кетно-ядерными испытаниями, не пошел на сворачивание экономического сотрудничества с КНДР.

Фото автора

(Окончание следует)

¹ Данные Корейской ассоциации международной торговли (Korea International Trade Association - KITA) за соответствующие годы - www.kita.net

² KOTRA (Korea Trade-Investment Promotion Agency). Пукханы тэвемуктонхян 1998-2009 (Тенденции внешней торговли Северной Кореи в 1998-2009 гг.). Сеул, KOTRA, 2009.

³ Пукхандо оль мук сасан чхвего (КНДР и в этом году поставил рекорд по объемам внешней торговли) // Хангук ильбо, 13.12.2011.

⁴ Самсонкенчжеенгусо. Пукчун кенчжемилчхагы пэгенква сисачом (Экономическое сближение Северной Кореи и Китая: общая ситуация и замечания) // Сеул, Самсонкенчжеенгусо, 2010, с. 5.

⁵ KOTRA. Статистические справочники за указанные годы.

⁶ Официальная статистика Министерства торговли КНР. 2008 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment.

⁷ Самсонкенчжеенгусо. Указ. соч., с. 3.

⁸ Тэвенкенчжечончхэкенгун. '2002нен 7-1 чочхи иху тхальбукхан 165 мёнль тэсаньиро хан сольмунчоса (Опрос 165 перебежчиков из КНДР, покинувших страну после реформ 1 июля 2002 г.) Сеул, Тэвенкенчжечончхэкенгун, 2005.

⁹ Пук, чунгуге пхальлили виги? (Север на грани кризиса продажи Китаю?) // И-Дэйли. 14.02.2011; KIEP (The Korea Institute for International Economic Policy). Чунгугы тэпукхан кенчжехемнекончхэк пенхвава чонман (Перемены в политике экономического сотрудничества КНР с КНДР и перспективы развития) // KIEP: Оныре сегекенче, 28.12.2010, р. 10; *Юн Ток Мин*. Пукханьин чунгугы висонкуккага твего маль гошинга? (Превратится ли Северная Корея в государство-спутник Китая?) // Сеул, Мирэчоллякенгун, с. 1.

¹⁰ Is North Korea Becoming China's Fourth Northeastern Province? // Chosun Ilbo. 15.10.2005; *Gries H. Piter*. The Koguryo Controversy, National Identity, and Sino-Korean Relations Today // East Asia. An International Quarterly (Winter 2005), р. 3-17; *Choo Jaewoo*. Mirroring North Korea's Growing Economic Dependence on China // Asian Survey, March/April 2008, р. 371-372.

¹¹ *Choo, Jaewoo*. Op. cit., р. 368; *Чхве Су Ен*. Пукчун Кенчжеквангева нампуккенхепы тэбук пхагыпхекква пигепунсок. (Сравнение и анализ эффекта северокорейско-китайского экономического сотрудничества и межкорейских связей на экономику Северной Кореи). Сеул, Тхонильенгун, 2010, с. 26-27.

¹² *Kim, Heungkyu*. From a Buffer Zone to Strategic Burden: Evolving Sino-North Korea Relations during the Hu Jintao Era // Korean Journal of Defense Analysis. March 2010, р. 65; *Kim Jae Cheol*. The Political Economy of Chinese Investment in North Korea // Asian Survey, Volume XLVI, NO. 6, November/December 2006, р. 906.

¹³ Нам, пукчункенхебе пураналь гот опсо («Южной Корее не следует беспокоиться по поводу экономического сотрудничества Китая с КНДР») // Енхэпньосы. 24 мая 2011 г.; *Kim, Jae Cheol*. Op. cit., р. 916;

¹⁴ *Choo, Jaewoo*. Op. cit., р. 368.

¹⁵ *Ibidem*, р. 371; *Юн Ен Гван*. Чонхванги кукчечончхикенчжева хангук. (Международная политэкономия переходного периода и Республика Корея). Сеул: Миньмса, 1996. С. 371-372.

¹⁶ *Thomson Drew*. Silent Partners: Chinese Joint Ventures in North Korea. Washington. US-Korea Institute, 2011, р. 25.

¹⁷ *Li Yuhong, Chen Zhongwen, San Changjian*. Research on the Relationship between Foreign Trade and the GDP Growth of East China-Empirical Analysis Based on Causality. Business School, Jianggangshan University, Ji'an, China // Modern Economy, 2010, № 1, р. 118-124.

¹⁸ *Вон Дон Ук*. Тонбуккончжоны нэчджэхва, чунгук тонбукчхик инпхыра кэбары чоллякчжок хамы. (Придание постоянного характера «северо-восточному сообществу» - стратегическое значение китайских проектов развития инфраструктуры на северо-востоке). Кукчечончхичхончип. № 49-1, 2009, с. 236.

¹⁹ *Сон Чхэ Гу*. Пук-чун кенчжекванге милччагы ыми: есокхваннга? (Значение сближения экономических отношений между Китаем и КНДР: происходит ли подчинение?) Сеул: KIDA, 2010. С. 3.

²⁰ *И Сан Сук*. Чунгугы тэвечолляк пенхвава ханбандо чончхэк (Трансформация китайской внешней стратегии и политика на Корей-

ском полуострове) // 2011 нендо хангуккукчечончхихакхве. Анбокукбанхаксульхве, Сеул, с. 32.

²¹ *Сон Чхэ Гу*. Указ. соч., с. 3.

²² *И Нам Чжю*. Чунгук тэбукчончхэгы пенхвава пукханы кэхеккэбан (Перемены в политике Китая в отношении КНДР, а также реформы и открытость в Северной Кореи) // Мирэчоллякенгун. <http://www.kifs.org>. 8 апреля 2011 г. Р. 9.

²³ Пук-чун тонхэ ханно (тонбукЗсон-Расонхан-Санхай) мандыро хангук евоссана (КНДР и КНР создают «путь по Восточному морю (3 северо-восточные провинции КНР - порт Расон - Шанхай)» и окружают Южную Корею?) // Чосон ильбо. 23 марта 2011 г.

²⁴ Там же.

²⁵ *Сон Чхэ Гу*. Указ. соч., с. 3.

²⁶ North Korea Newsletter // Yonhapnews Agency. No. 152. April 7, 2011; China to Invest \$2 bil. in NK economic zone // The Korea Times, 1.07.2011; *Ким Чжи Ен*. Пукчун кенчжехемнек, чонбу чоккык кэип кекпода тхужжа канхва (Северокорейско-китайское экономическое сотрудничество, правительство активно вмешивается с целью активизации в первую очередь инвестиций, а не торговли) // The Unified Korea, № 7, 2011, р. 11-12.

²⁷ *Kim, Jae Cheol*. Op. cit., р. 902.

²⁸ Синьяннан чинмен пук, чихачавон кэбал «анканхим» (Столкновение с продовольственной проблемой Северной Кореи, сдерживание разработки полезных ископаемых) // Енхэпньосы. 9.02.2011.

²⁹ КИТА. 2010 нен чун-бук кеек сасан чхведэ кирок. (Объемы китайско-северокорейской торговли в 2010 году достигли рекордных показателей). КИТА, 2011.

³⁰ *И Нам Чжю*. Указ. соч., с. 11.

³¹ Пук тэчунгук кванмульсучхуль 8 нен сан 17 пэ (Экспорт минеральных ресурсов из КНДР в Китай за 8 лет вырос в 17 раз) // Енхэпньосы. 7 мая 2011 г.

³² *Kim, Jae Cheol*. Op. cit., р. 911.

³³ Expert: China Overtakes U.S. as Top Consumer // China Daily. February 17.2005; Consumption is Ahead of the U.S. // South China Morning Post, 18.02.2005.

³⁴ Long March to Globalization // South China Morning Post. 7.02.2005.

³⁵ *Kim, Jae Cheol*. Op. cit., р. 909.

³⁶ Through a Glass, Darkly // Economist. March 11, 2004.

³⁷ Speculators Turn Away from China, Making Revaluation less Pressing // The New York Times, 5.01.2006.

³⁸ http://www.jl.cinfo.net/content/cn/finance_tpxw/b_111408.htm?te.

³⁹ *Kim, Jae Cheol*. Op. cit., р. 910-911.

⁴⁰ *Ibid.*

⁴¹ *Choo, Jaewoo*. Op. cit., р. 368.

⁴² China 'Wedded to Status Quo on Korean Peninsula' // Chosun Ilbo. 4.01.2012.

⁴³ *И Сан Сук*. Указ. соч., с. 30-31.

⁴⁴ *Юн Ен Гван*. Чонхванги кукчечончхикенчжева хангук. (Международная политэкономия переходного периода и Республика Корея). Сеул, Миньмса, 1996, с. 372.

⁴⁵ Там же, с. 409.

⁴⁶ Статистические данные KOTRA за 2000-2008 гг.

⁴⁷ ROK Ministry of Unification. Announcement of Measures against North Korea. Special Report: May 24, 2010.

⁴⁸ Статистические данные KOTRA за 2008-2010 гг.

⁴⁹ *Сон Чхэ Гу*. Указ. соч., с. 2-3; Чунгук ычжондо кальсурок нопхачжиньин пукхан тэвекеек хенхван (Рост зависимости от Китая все увеличивается: ситуация во внешней торговле Северной Кореи) // Хангук ильбо. 16.08.2011.

⁵⁰ ИТАР-ТАСС, Сеул, 14.01.12.

⁵¹ Подробнее см.: *Воронцов А.В., Агальцов П.* Ядерная интрига Корейского полуострова // Азия и Африка сегодня, 2010, № 10; *Денисов В.И.* Есть ли выход из тупика? // Азия и Африка сегодня, 2011, № 11 (прим. ред.).